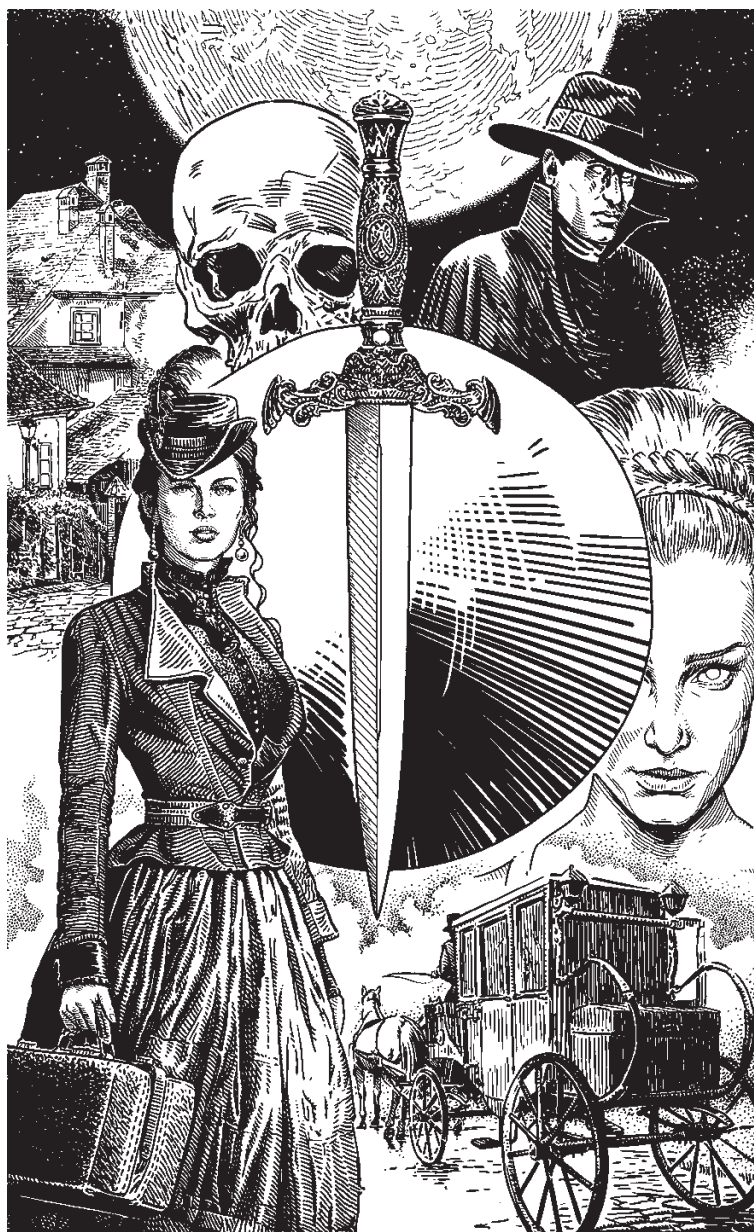

Ольга Ярошинская

ВЕДЬМА ПО НАСЛЕДСТВУ
ДВЕ НЕВЕСТЫ ДРАКОНА
КРЫЛЬЯ КОЛДУНА
ЖЕНА ДЛЯ ЗВЕЗДНОГО ВАРВАРА
ЛОВЕЦ ДУШ И НАВЬЯ НЕВЕСТА

ГЛАВА 1

Девушку, ждущую на пороге, можно было принять за навь: белая кожа, синие глаза, волосы темные и блестят даже в неверном свете фонарей. Но ступенька, на которой стояла гостья, была обита железом, а козырек над крыльцом сделан из красного дуба, которого боятся даже высшие навки. Так что Рихард перестал пялиться на незнакомку через смотровое окошко и открыл дверь.

— Доброе утро, — поздоровалась девушка.

Рихард выразительно поднял бровь и, выглянув за порог, демонстративно посмотрел на небо. Звезд не было видно. Может, их и вовсе нет над этим проклятым городом. Под фонарем ждал экипаж с потертым гербом на двери. Лошадь вздыхала и переступала копытами по брусчатке, подернутой дымкой тумана, а кучер раскуривал трубку.

— Позвольте войти?

Рихард все так же молча посторонился, пропуская гостью в дом.

Каблучки ботинок отмерили несколько звонких шагов по каменному полу. Рихард закрыл дверь, по привычке попытался сунуть руки в карманы штанов и понял, что он в трусах. Сдернув с вешалки пальто, натянул его на голое тело. Девушка, повернувшись к нему спиной, рассматривала гостиную.

Клиентка? Возможно. Явно в трауре. На ее шляпке колыхалось черное перо, покрытое мелкими каплями влаги, черные перчатки обтягивали узкие кисти рук. Девушка расстегнула верхние пуговицы серого плаща, но не стала его снимать. Она с любопытством изучила обстановку, вертя головой. Перо на шляпке моталось туда-сюда, как хвост дружелюбной собаки.

На продажную не похожа. А если и так, вряд ли у Рихарда хватит на нее денег, даже если вытряхнуть весь неприкосновенный запас. Длинную шею незнакомки обвивала жемчужная нить, прячущаяся под плащ, крупные жемчужины покачива-

лись на серебряных нитях под мочками ушей. Ботинки на тонких каблуках были из хорошей мягкой кожи. Девушка, не дожидаясь позволения, присела на край дивана и поставила рядом с собой сумочку, блеснувшую серебряной застежкой в форме цветка.

Может, она из тех фанатичных поклонниц ловцов, которые предлагают себя в качестве благодарности за их доблестный труд? Рихард слегка ухмыльнулся, поправил воротник пальто, кусающий шею, и приосанился.

Девушка окинула его оценивающим взглядом с головы до пят, и Рихард невольно почувствовал себя идиотом, стоя перед ней в трусах и пальто.

— Вам нужна экономка, — сказала она.

— Нужна? — тупо переспросил он.

— Вы писали об этом аббатисе Августине из Кloverхолма.

— Верно.

Форель и кувшинка — герб на двери экипажа, доставившего гостью. Такие же изогнутые рыбешки и цветы, похожие на раздутые короны, есть на воротах аббатства. Рихард нахмурился и, подтянув к себе стул, сел. Запахнул полы пальто, чтобы прикрыть голые бедра.

— Экономка и секретарь, — дополнила девушка, вздернув подбородок с миленькой ямочкой посередине. — В обязанности, полагаю, входит следить за домом, принимать клиентов, когда вы на деле или отдыхаете, и вести бухгалтерские записи. Я с этим справлюсь.

— Тридцать шендеров в месяц, — сказал Рихард.

В происходящем прослеживался явный диссонанс. Эта девушка не была экономкой. Одна ее сумочка стоит больше тридцатки.

— Меня устраивает, — кивнула она.

— Вообще-то это я беру вас на работу, — напомнил он.

— Хотите что-то уточнить? Проверить мои способности? Получить рекомендации? Аббатиса передала вам письмо. — Гостья открыла сумочку, вынула оттуда конверт и протянула Рихарду.

Он мельком взглянул на знакомый почерк — ровный, четкий, с легким наклоном влево — и снова посмотрел на гостью. Она не опустила ресницы, и Рихард невольно нахмурился. Обычно люди страшатся встретиться с ним взглядом лишний

раз. Но незнакомка смотрела прямо на него с каким-то отчаянным вызовом.

У кандидатки, которая приходила вчера, он спрашивал, умеет ли та читать и писать. Задавать этот вопрос девушке, сидящей на его продавленном диване, казалось кощунством.

— Как вас зовут?

— Карна.

— И все? Просто Карна?

— Да. Мне называть вас Рихардом?

— Можно Харди. Или Рих. Как вам угодно.

Он откинулся на спинку стула, рассматривая девушку. Скорее всего, ей двадцать с небольшим, но держит себя как взрослая дама, и одежда вдовы добавляет лет. Тонкие черты, фигура хорошая — видно и под плащом. Над правой бровью родинка. Слева вдоль лица спиралью закручивается темная прядь, покрытая моросью тумана, словно бриллиантовой пылью.

В его гостиной Карна выглядела так же уместно, как лебедь в курятнике.

Рихард постучал письмом по раскрытой ладони.

— Совместное проживание.

— Не слишком совместное, я полагаю, — уточнила она, и уголок ее губ, слегка подведенных розовой помадой, дернулся вниз.

— Разумеется, — кивнул Рихард. — Когда вы можете приступить?

— Завтра, — ответила она. — Вернее, уже сегодня. Сейчас. По правде сказать, мои вещи в экипаже.

— Я все же спрошу... — сказал он. — Зачем вам это?

Она опустила ресницы, расправила несуществующие складки на юбке, доходящей до тонких щиколоток. Бледные скулы слегка порозовели. Рихард скрестил руки на груди, выжидая ответа. Ему всегда нравилось наблюдать, как люди лгут. И, надо признать, Карна врала талантливо и вдохновенно: когда она подняла на него глаза, те были чисты, как горные озера.

— Я считаю, то, что вы делаете — благородно и самоотверженно. Ловцы душ — люди исключительной смелости, честности и душевной силы. И если я могу хоть что-то сделать для вас, внести посильный вклад...

Она все же отвела взгляд. Никто не хочет смотреть ловцу в глаза слишком долго. Даже дерзкая девчонка, заявившаяся среди ночи.

— Ладно, я уловил вашу мысль, — перебил ее Рихард, и она едва заметно выдохнула. Он поправил съезжающую полу пальто и поднялся. — Вы умеете готовить, Карна?

— Я вас удивлю, — пообещала она.

— У меня и так глаза на лоб лезут, — признался он.

Карна встала, протянула руку, и Рихард, сунув конверт в карман пальто, легонько пожал ее пальцы, ощутив под прохладным шелком перчатки тепло кожи.

— Уверена, мы сработаемся. — Она вежливо улыбнулась, пряча глаза под густыми ресницами.

— Погодите. — Он задержал ее руку в своей. — Аббатиса ведь предупредила вас. Мне нужно кое-что еще.

— Да, — подтвердила Карна, все так же глядя в сторону. — Она сказала, вы захотите смотреть мне в глаза, иногда. Что вы сталкиваетесь со злом и вам нужен свет, чтобы восстановить баланс. Поэтому вы обратились к ней, надеясь, что она подберет благочестивую женщину. Аббатиса посчитала, что я как раз такая.

Последние слова прозвучали с вызовом.

— Ловцы душ смотрят за грань, разделяющую мир живого и мертвого, — пояснил Рихард, не выпуская женскую ладонь. — По долгу службы я слишком часто смотрю во тьму. Чтобы вернуть равновесие, мне иногда надо видеть живую светлую душу. Что-то вроде якоря, противовеса. Чтобы однажды меня не затянуло на ту сторону грани.

Темные брови девушки нахмурились.

— Выходит, я должна стать таким якорем?

— Верно, — кивнул Рихард и, погладив большим пальцем теплую кожу на запястье — там, где перчатка заканчивалась, нащупал пульс.

— Говорят, ловец может украсть душу одним взглядом, — сказала Карна, но руку не отняла.

Похоже, ей действительно нужна эта работа.

— Врут, — вздохнул он.

— Почему тогда ловцов боятся?

— Я могу увидеть воспоминания человека, — пояснил Рихард. — И он тоже увидит их снова. Но будто со стороны, объективно.

— И что в этом страшного? — Девушка все еще не понимала.

— Допустим, человек гордится, что дал отпор родителям, а я вижу, что он нагрубил старенькой матери. Или он верит, что де-

вушка его безумно любит, а я вижу равнодушие или хуже того — отвращение на ее лице. Или он считает себя кем-то важным и не замечает, что над ним потешаются, зато это вижу я. Понимаете?

Карна неуверенно кивнула.

— Я вижу человека, его душу, и человек тоже смотрит на себя со стороны, без прикрас. Для некоторых это невыносимо.

Она сглотнула, быстро облизнула губы.

— Ладно. Давайте попробуем.

Карна решительно шагнула к нему, и пульс под его пальцем забился чаще. Рихард осторожно положил ладонь девушке на поясницу, привлекая к себе еще ближе. Узкая кисть, затянутая в шелк, легла ему на грудь, удерживая на дистанции. Прохладное касание, но отчего-то обожгло.

Рихард приподнял ее подбородок, склонился ниже.

— Вы ведь не собираетесь меня целовать? — прошептала она ему в губы.

Теплое дыхание с оттенком мяты проникло в его рот.

— Нет, — так же шепотом сказал он. — А вы были бы не против?

— Никаких поцелуев, — строго ответила Карна, и Рихард слегка улыбнулся.

— В первый раз вы, возможно, почувствуете некоторый дискомфорт, — нарочито скучным тоном добавил он. — Будет немного больно. Обещаю, что не стану входить слишком глубоко.

— Вы просто посмотрите мне в глаза, ведь так? — настойчиво уточнила она.

— Да. Взгляните же на меня.

Карна выдохнула и подняла ресницы.

Глаза в глаза.

Словно прыгнуть в озеро с разбегу. Синяя прохлада затянула, закружила в водовороте, обдала светом.

Страх, недоверие, любопытство.

Немного глубже...

Горе, такое острое, что печет нестерпимо. Рихард тихо зашипел, втянув воздух сквозь сжатые зубы, отпустил...

Карна закрыла глаза, окончательно обрывая контакт, из-под густых ресниц потекли слезы, пробежав дорожками по бледным щекам. Помешкав, Рихард аккуратно стер их пальцами и снова чуть не зашипел — такой невыносимо нежной оказалась ее кожа. Карна часто дышала, все так же стоя вплотную к нему.

После, словно опомнившись, шагнула назад, и он с легким сожалением выпустил ее из объятий.

— Что вы увидели? — спросила она, отвернувшись, чтобы взять сумочку — или скрыть эмоции, и голос ее прозвучал над треснутым стеклом.

— Я не разглядывал ваши воспоминания, — сказал Рихард. — Обещал ведь — неглубоко.

— Я подхожу? — уточнила Карна, все так же стоя к нему спиной. Вынув из сумки платок, промокнула глаза. — Во мне есть то, что вам надо?

Рихард медленно кивнул. Опомнившись, ответил:

— Вполне.

Кучер принес два объемистых чемодана и, поклонившись Карне, исчез, оставив после себя едкий запах табака. Рихард отнес вещи наверх и, помешкав мгновение, открыл дверь в собственную спальню. Наскоро перестелил постель, сгреб разбросанные по столу бумаги. Осмотрев все критическим взглядом, поднял с пола носок и спрятал в карман пальто, на миг ощутив шероховатую поверхность конверта. Рихард знал аббатису много лет. Когда жизнь столкнула их впервые, Августина была обычной монахиней, а он — приютским оборванцем. С тех пор многое изменилось, но не чувства, которые он к ней испытывал: доверие и благодарность. Пожалуй, сейчас они только стали глубже, ведь девушка, присланная аббатисой, появилась очень кстати. По объявлению, размещенному в «Вечерней Рывне», приходили развязные бабенки, которых с удовольствием взяла бы себе мамаша Роуз, но ему нужно было нечто иное...

Карна ждала внизу, сидя на диване и сложив ладони на коленях, как примерная ученица. Плащ она сняла и повесила на вешалку, и Рихард смог увидеть, что не ошибся, заранее оценив ее фигуру.

— Пойдемте, я покажу вашу спальню. Или, может, хотите чаю?

— Нет, благодарю, я устала с дороги.

Она последовала за ним по лестнице, стуча каблучками ботинок, и он запоздало подумал, что надо бы предложить ей тапочки. Но у него нет домашних женских туфель и никогда не было. И, наверное, понадобится куча других мелочей...

Карна замерла, лишь войдя в спальню, будто напоровшись на невидимую стену, обернулась, и глаза ее расширились от ужаса.

— Обстановка скучновата, — слегка стушевался Рихард. — Можно повесить на стены картины. Постелить коврик...

Она вытянула руку и молча указала на полку.

— Ах это... — Рихард виновато улыбнулся. — Прошу прощения.

Он быстро вошел в комнату и снял с полки старый череп.

— Располагайтесь, — добавил он, прижимая череп под мышкой. Как он мог забыть о Гекторе? — Чувствуйте себя как дома. Ванная прямо по коридору.

— Спокойной ночи, — сказала Карна, сглотнув.

Она подождала, пока Рихард выйдет, вежливо улыбнулась и закрыла за ним дверь. Послышалась какая-то возня, затем щелкнул шпингалет. Рихард криво усмехнулся.

Что же привело к нему такую даму? Он мог бы порыться в ее воспоминаниях, но ему не удастся сделать это незаметно. Никкак. И Карна будет знать, что он ищет. А это... неэтично.

Сбежав по ступенькам лестницы, Рихард поставил Гектора на столик и, вынув из кармана плотный конверт, надорвал его.

Письмо аббатисы оказалось на удивление лаконичным: сухое приветствие, надежда на благополучие в делах, сетование на раннюю осень...

Письмо вручит девушка, которая, я уверена, станет идеальной помощницей ловца и удачно разрешит возникшую у тебя проблему.

*С наилучшими пожеланиями,
Августина*

Ты ей очень нужен, Харди.

Рихард уставился на последнее предложение. Оно выбивалось из прочих обтекаемых фраз, и даже наклон почерка влево был сильнее. Словно аббатиса писала под чьим-то внимательным взглядом, поставила точку, а потом, воспользовавшись какой-то уловкой, дописала несколько слов, перед тем как спрятать листок в конверт и запечатать. Рыбка на восковом оттиске получилась узкой, как серп молодого месяца.

Он перечитал все письмо еще раз и спрятал его назад в карман пальто. В гостиной остался тонкий аромат духов, и Рихард глубоко вдохнул. Фиалки, свежесть моря и еще что-то неопределимое, личное... Он опустил на диван — туда, где сидела гостя. С этого места просматривалась и обшарпанная лестница

ца на второй этаж, и похабная картина с пышной бабенкой, которую подарил ему Уго. Из-за приоткрытой кухонной двери доносились не слишком аппетитные запахи прогорклого жира и яичницы.

Карна явилась сюда неспроста, и он выяснит, что ею движет. После того как Рихард окунулся в ее глаза, голова слегка кружилась, словно после долгой прогулки по свежему воздуху.

Если бы он действительно был самоотверженным героем или хотя бы честным малым, то правильнее было бы выставить Карну вон. Что бы ни привело ее к нему, дом ловца — не место для такой девушки.

Но он совсем не герой. И Августина считает, что он нужен Карне.

Завтра надо будет разобрать хлам во второй спальне, если ему, конечно, не удастся вернуться в собственную постель. Рихард вздохнул. Сейчас он устал и хотел спать, а не решать моральные дилеммы, и потому растянулся прямо здесь, на диване, укрывшись пальто.

Запах незнакомки сделался сильнее и проник в его сон, и Рихард снова увидел девушку с синими глазами и темными волосами. Она была в белом платье, слегка просвечивающем на солнце, розовые губы влажно блестели. Девушка смеялась и была совсем другой.

Карна оперлась спиной о дверь, едва находя в себе силы, чтобы не сползти на пол. Ее слегка потряхивало от впечатлений, кончики пальцев кололо, а зрение будто стало острее. Она видела нить паутинки, протянувшуюся между рожками лампы на потолке, могла разобрать цифры на листе бумаги, лежащем на столе у окна. Хотя в комнате, где Карне предстояло провести следующие несколько недель, взгляду особенно не за что было зацепиться. Строго, аскетично, пусто — вот как можно было охарактеризовать обстановку. Белые стены, темный дощатый пол, тюль без узора слегка колыхался. Карна быстро подошла к окну и закрыла его, задвинув шпингалет до упора.

Решеток не было. Если ловцу платят за уничтожение нави, то логично, что он от нее не отгораживается. Наверное, только рад будет, если работа пожалует к нему на дом. Внизу оказался маленький дворик, прямоугольник света ложился на вытопанную землю от окна гостиной.

Ловец спустился на первый этаж, она слышала его шаги по лестнице. Он оказался совсем другим, не таким, как она себе представляла. Помятый, уставший, такой нелепый в полосатых трусах и пальто, он был слишком человечным. Уязвимым.

Рихард. Конечно, она узнала его имя заранее, как и многое другое.

В нем таилось и нечто опасное — в жестком лице, развитой мускулатуре, которую она невольно успела оценить, в щетине, колючей даже на вид. Высокий — на полголовы выше нее, хотя она была на каблуках, а он босиком. Но он так трогательно поджимал пальцы ног, мерзнувшие от холодного пола, а его губы выглядели такими мягкими... Когда они оказались совсем близко, на какую-то долю секунды ей захотелось к ним прикоснуться... Темные волосы ловца ерошились, как вороньи перья на ветру, но сердце билось под ее ладонью совсем как человеческое.

Она заметила на груди Рихарда шрам — узкую бледную полосу, уходящую под пальто, а еще темные волоски. При первой же встрече умудрилась узнать тело работодателя лучше, чем тело своего мужа. Она ведь даже не знает, росли ли у Эдмона на груди волосы. Почему-то ей казалось, что его грудь была гладкой.

А глаза ловца такие черные, что не видно зрачков.

Дыхание ее невольно сбилось.

Это было так интимно: его близость, тихий голос, аккуратные, но уверенные прикосновения. Теперь это часть ее работы. Может, ей лишь почудилось что-то неприличное — у нее не так много опыта.

И когда он посмотрел ей в глаза, то действительно стало немного больно, не телу — душе. Под его взглядом она почувствовала себя совсем незащитной, открытой, настоящей — без имени, титула, статуса вдовы и прочей шелухи.

Карна отвернулась от окна, наткнулась взглядом на широкую кровать — на такой могли бы уместиться двое. Открыла шкаф в углу и обнаружила ряд вешалок с черными рубашками и брюками. Рихард уступил ей свою спальню?

На пустой полке около изголовья кровати выделялся чистый овал — там, где стоял череп.

Она не могла и подумать, что когда-нибудь ей придется работать помощницей ловца. Впрочем, она не предполагала, что ей вообще придется работать.

Карна подошла к кровати и, поколебавшись мгновение, заглянула под нее — пусто. Сев, стянула ботинки и с наслаждением пошевелила затекшими пальцами ног.

Аббатиса сказала — Рихард лучший. Что ж, у Карны на него свои планы.

Кто-то сел на него, и Рихард инстинктивно повернулся, быстро спихнув внезапную тяжесть с живота. А когда открыл глаза, увидел Грету, сидящую на полу. Она потерла ушибленную задницу и посмотрела на Рихарда укоризненно. Он так думал, что укоризненно, — белые глаза служанки были для него неприемлемы, как стены женского монастыря.

— Какого жмыха ты спишь в гостиной, Харди? — проворчала она, с кряхтением поднимаясь с пола.

— А какого жмыха ты на меня садишься? — угрюмо ответил он. — Я плачу тебе за уборку и готовку, а не за то, чтобы ты прохлаждалась тут, вытянув ноги на мой стол.

— Не дошел до спальни? Перебрал? — Ее ноздри дернулись. — Пахнет какой-то цветочной дрянью. Харди, не вздумай пить сомнительный алкоголь, иначе ослепнешь, как сапожник с Соломенной улицы. А нам хватит и одного слепого в доме — меня.

— Это духи.

— Ты был с женщиной вчера? — Она с шумом втянула воздух и засипела: — Ох ты ж... Аж в носу защипало. Что за ядреные духи? Или это твои?

Грета незряче уставилась на Рихарда бельмами глаз. Ее русые волосы были закручены в привычный пучок, лежащий на макушке неровной картофелиной. От дикой расцветки платья хотелось зажмуриться: мелкие алые бутоны на ядрено-зеленом фоне казались брызгами крови. Надо бы найти торговца, который так поиздевался над слепой женщиной, и объяснить ему, что он не прав...

— Я не пользуюсь духами, — буркнул он. Пальто сползло на пол, Рихард поднял его и положил на диван. К счастью, Грету невозможно смутить внешним видом. Один из ее немногочисленных плюсов.

Правая рука затекла и спину слегка ломило, но Рихард чувствовал себя на удивление бодрым. Улица за окнами уже ожила: по брусчатке прогрехотали колеса экипажа, послышался звонкий голос разносчика газет. Свет из окна падал на вешалку

в прихожей, и пуговицы на плаще Карны блестели как серебряные. Может, и в самом деле серебро? Многие богатеи обвешиваются им с ног до головы, надеясь защититься от нави. И серебро на самом деле может ее остановить. Ненадолго.

Рихард встал и подошел к плащу. Склонившись, понюхал, ощутив уже знакомый аромат. Взяв с полки крохотную черную шляпку, покрутил в руках. Перо пощекотало ему нос, и Рихард чихнул.

Грета пожала плечами и пошла на кухню.

— Прибери во второй спальне! — зычно крикнул он ей в спину.

— Не надо так орать, — назидательно произнесла служанка, остановившись в кухонных дверях. — Я слепая, а не глухая. Зачем тебе вторая спальня? Если решил привести в дом женщину, так и спите вместе. Еще не хватало мне дополнительное постельное белье стирать.

— Она не будет со мной спать, — ответил Рихард. — Наверное.

— Зачем тогда она тебе нужна? — полюбопытствовала Грета.

— Было бы неплохо, чтобы в этом доме был человек, при взгляде на которого посетители не сбегали бы прочь с воплями ужаса, — проворчал он.

— Ты считаешь меня страшной? — спросила Грета.

Она уставилась на него белыми глазами, в которых словно плескалось молоко.

— Нет, — честно ответил Рихард. — Но твои глаза многих пугают. Как и мои. И хорошо бы ты не начинала пророчествовать и предсказывать конец света через минуту после того, как клиенты переступают порог моего дома... или хотя бы перестала их проклинать... Ты знаешь, что тебя зовут Гретой-бормотухой?

— Бормотуха — это дешевое вино! — возмутилась Грета.

— И ты.

— Люди — грязь, — проворчала она. — Весь мир катится во тьму. Мы все умрем и после смерти не найдем покоя.

— Вот-вот, — кивнул Рихард, — именно об этом я и говорю. Карна будет секретарем и экономкой. Станет принимать клиентов, вести бухгалтерские записи, составлять отчеты для гильдии...

Он хотел добавить про глаза, но запнулся. И одновременно понял, что ему не терпится посмотреть в глаза Карны снова, а заодно увидеть, как она выглядит при дневном свете, почувствовать ее дыхание на своих губах...

— Небось шалава какая-то, — фыркнула Грета, возвращая его в реальность.

— Порядочная дама, — возразил Рихард с долей сожаления. — Видимо, вдова.

— Если она станет жить с ловцом в одном доме, от ее репутации даже лохмотьев не останется.

— Это уже не моя забота, — сердито произнес он. — И не твоя. Кстати, она уже живет в моем доме. В моей спальне, если точнее. Застели чистое белье в гостевой.

— Я требую прибавки, — заявила Грета. — Раз вас теперь будет двое.

— А я — уважения. И субординации. И чего-нибудь другого на завтрак и обед, кроме овсянки да пшенки.

— Ладно, останемся при своем, — согласилась Грета, скрывшись на кухне.

А Рихард, нахмурившись, подошел к дивану и натянул опостылевшее пальто. Вся его одежда — в спальне. Там же, где и Карна. Спит в его постели, темные волосы разметались по подушке, одеяло сползло... Ее сорочка наверняка из шелка. Рихард покосился вниз и застегнул пальто на все пуговицы.

Наверху раздались легкие шаги, скрипнула дверь, потом в ванной комнате зашумела вода.

— Вот он, мой шанс, — пробормотал Рихард и взбежал по ступенькам.

Толкнув дверь, он осторожно заглянул в спальню, а потом быстро пошел к шкафу. Рубашки, брюки, ремень... Носки выпали из его рук, он наклонился, поспешно поднял их и сунул в карман пальто. Трусы, майка — надо забрать все, чтобы не пришлось потом стучать и просить дозволения взять собственные вещи.

Он закрыл дверцу шкафа, повернулся... и встретился взглядом с Карной, которая взвизгнула от неожиданности и выронила из рук щетку для волос. Ее халат был белоснежным и лишь едва прикрывал колени. То ли траур не распространяется на халаты, то ли не успела купить черный.

— Что вы тут делаете?! — воскликнула она.

— Простите, — сказал Рихард, вовсе не чувствуя себя виноватым. — Вы были в ванной, и я решил взять свои вещи. Надоело ходить в пальто.

Карна запахнула полы халата плотнее, скрестила руки на груди, которая часто вздымалась в такт дыханию, а Рихард по-

радовался, что застегнулся на все пуговицы, иначе неловкость ситуации могла бы стать еще больше. Утром его помощница выглядела даже лучше, чем ночью: растрепанные волосы падали на плечи, на щеке виднелся след от подушки, и Карна казалась такой мягкой, домашней... Доступной.

— Вы не можете заходить в мою комнату без спроса, — отчеканила она.

— Вообще-то это моя комната, — возразил он, положил стопку вещей на стул и медленно подошел к Карне.

— Я так и поняла. Но вы предоставили ее мне. — Она вздернула подбородок.

Рихард еще раньше заметил у нее этот жест. Наверное, это должно выглядеть высокомерно. Осаживать зарвавшихся слуг. Ставить нахалов на место. Но она будто подставляла губы для поцелуя. Кто ее знает, может, так и есть?

— Потрудитесь соблюдать элементарные правила приличия, — сурово добавила девушка.

— То, что вы здесь, — сказал Рихард, огладив взглядом длинную белую шею, — уже очень, очень неприлично.

— Вы уверяли, что совместное проживание не подразумевает ничего... — Она запнулась, подбирая слова. — Такого! — выпалила наконец.

— Не помню, чтобы я хоть в чем-то вас уверял, — возразил он. К дурманящему запаху фиалок добавился аромат розового мыла. Карна шагнула назад и уперлась спиной в дверь. — Это вы свалились на меня как снег на голову, готовая на все, чтобы получить работу... Как вы там сказали? То, что я делаю, — благородно и самоотверженно. Вы хотели внести посильный вклад...

Ее дыхание отдавало мятой еще сильнее, чем ночью. Наверное, успела почистить зубы, а потом вернулась в комнату за какой-то забытой вещью... В синих глазах, устремленных на него, не нашлось ни капли страха.

— Да, я понимаю, что буду скомпрометирована, — спокойно ответила она. — Но общественное мнение теперь мало меня заботит. И я знаю о кодексе ловцов. Вы не обидите меня.

Рихард замер, посмотрел на ее губы, немного припухшие после сна.

— Кодекс ловцов?

— Аббатиса рассказала мне, — кивнула Карна. — Так что, если позволите, я пойду приму душ, а потом приступлю к своим обязанностям.

— Приступите к ним прямо сейчас, — прошептал Рихард, склоняясь к ней.

— Вы хотите снова посмотреть мне в глаза? — уточнила она.

— Ну... — Неопределенно промывчав, он положил руку ей на талию и мягко привлек к себе. Запустил вторую руку в ее волосы. Взгляд невольно проник в вырез халата, где виднелся треугольник белой сорочки. Шелк. Так он и думал.

— Вам обязательно меня обнимать? — В ее голосе прозвенели взволнованные нотки, и Рихард провел пальцем по ее шее. Такая нежная кожа, голубая венка бьется под его пальцем, как пойманная птичка. — Зачем это? Проверяете пульс? Запястье уже не подходит?

— Вчера не хотел портить вам прическу, — пробормотал он. — Вам не нравится эта поза?

Карна слегка прищурила глаза, посмотрев на него с подозрением, и Рихард потянулся к ее губам.

— Нет, — отрезала она, когда их губы почти соприкоснулись. — Сначала я приму душ, оденусь, а потом мы с вами обсудим мои рабочие обязанности, распорядок трудового дня и прочие мелочи вроде обязательного стука в дверь и... поз.

Карна слегка оттолкнула его, вывернувшись из объятий и, обдав напоследок уничижительным взглядом, исчезла за дверями спальни.

Рихард разочарованно цыкнул, взял свои вещи и тоже вышел из спальни.

Когда Карна спустилась вниз, Рихард уже ждал ее, гладко выбритый и полностью одетый. Весь в черном, как на похоронах: мрачно, с налетом драматизма, но выглядел он куда лучше, чем в пальто на голое тело. Прежде взлохмаченные темные пряди теперь лежали волосок к волоску. Взгляд черных глаз прошелся по ней сверху донизу, задержавшись на высоком воротнике-стойке серой блузки, блокноте, который девушка сжимала в руке, и щиколотках. Потом ловец неопределенно хмыкнул, и Карна, стиснув пальцами перила, поняла, что работодатель злится. Он облапил ее дважды всего за несколько часов. Он пытался получить большее — сейчас она была в этом уверена, несмотря на свой скудный опыт. И теперь сидит на своем потрепанном диванчике, вальяжно раздвинув колени, и хмыкает непонятно чего.

В ванной, приводя себя в порядок, она продумала целую речь — метафоричную, изысканную, полную аллюзий к священным книгам, с помощью которой надеялась достучаться до сердца ловца и усостить. Так, чтобы он и думать не смел о ней в романтическом ключе! Но теперь вся ее речь улетучилась как дым. С таким надо разговаривать четко и по делу.

Ловец слегка приподнял бровь, будто прочитав что-то в ее взгляде. Карна поспешно отвернулась и дернулась от неожиданности, увидев женщину, выходящую из кухни.

— Это Грета, — представил ее Рихард. — Моя служанка. Убирает, стирает, готовит — из рук вон плохо, надо сказать, и мелет языком.

— Она красотка, да? — спросила служанка, уставившись на Карну белыми глазами. Если бы не они, Грета и сама была бы довольно привлекательной: правильные черты лица, чистая кожа. Так и не поймешь, сколько ей лет. Около тридцати, а может, все сорок... Но рассматривать ее не хотелось — жутковатые глаза отпугивали.

— Красотка, — подтвердил Рихард. — Как ты поняла?

— По интонациям твоего голоса. Когда тебе нравится женщина, ты начинаешь ворковать, как голубь по весне. Как тебя зовут, милочка?

— Карна. — Она спустилась по ступенькам к женщине, не зная толком, как себя вести.

Грета слегка раздувала ноздри, будто принюхиваясь.

— Пахнет горем, — вынесла она вердикт. — И навью. У тебя кто-то умер недавно?

— Я не хочу об этом говорить, — слегка опешила Карна. — Я предпочла бы обсудить мои обязанности. Похоже, мы несколько расходимся в их определении. Чтобы расставить все точки над «и», давайте проясним сразу: я не стану вступать с вами в интимные отношения.

— Да бог с тобой! — возмутилась Грета. — Я и не думала...

— Не с вами, — поморщилась Карна. — С ним.

Служанка хмыкнула, села рядом с Рихардом, точно ожидая продолжения. Карна заметила на столике череп, который сверлил ее пустыми глазницами. Поспешно перевела взгляд — и наткнулась на подозрительное пятно на полосатых обоях, уставилась в окно — и отсутствие решеток снова бросилось ей в глаза. Букет цветов смотрелся бы на столике куда лучше черепа. Пятно можно закрыть картиной — каким-нибудь городским пейза-

жем. А на окнах, если уж ловец оставил их без решеток, хотя бы поменять занавески: этот оттенок зеленого уныл до зубовного скрежета.

— Грета, может, займешься уборкой? — с нажимом произнес ловец.

— Нет, спасибо, — вежливо ответила служанка.

— Я просил тебя прибрать вторую спальню.

— А я бы хотела присутствовать при распределении обязанностей. Вдруг они у нас с Карной пересекаются. Когда ты брал меня на работу, то вопрос интимных отношений не поднимался. Это потому, что я слепая?

— Я не брал тебя на работу, — устало возразил ловец. — Ты просто появилась тут однажды и поставила меня перед фактом. Это становится тенденцией... И если уж говорить о твоих обязанностях, то иди на второй этаж и прибери в гостевой.

Грета поднялась и, недовольно фыркнув, пошла наверх, скользя ладонью по перилам.

— Грета так уверенно перемещается по дому, — прошептала Карна. — Она совсем слепая или что-то видит?

— Без понятия, — ответил Рихард. — Может, она ориентируется в пространстве как летучая мышь. Или глубоководная рыба.

— У меня отличный слух, — донеслось сверху. — И мне не обязательно смотреть, чтобы видеть.

— Летучая мышь, — пожал плечами ловец. — Я так и сказал.

— Так вот... — Карна опустила на краешек дивана, положила на столик блокнот и ручку, подальше от черепа, который скалился с другой стороны стола. — Наши отношения будут строиться исключительно в деловых рамках.

— Ясно, — коротко ответил Рихард.

— Никаких объятий, прикосновений, внезапных визитов в спальню...

— Но я должен контролировать пульс во время контакта, — заметил ловец.

— Можете прикоснуться к моему запястью, — кивнула она.

Он тут же обхватил ее руку. Теплый, чуть шероховатый палец погладил кожу и нашел бьющуюся венку.

— А если во время... сеанса вы начнете падать? Такое часто случается.

— Будем делать это сидя, — предложила Карна, забрала руку и отодвинулась еще дальше, едва не вжавшись в подлокотник дивана.

— Вот мы и перешли к обсуждению поз. — Рихард улыбнулся, но улыбка вышла злой. Он будто сердился на нее. — Возможно, чтобы исключить падение, будет еще удобнее делать это лежа. Допустим, на боку. Или вы снизу, я сверху...

— Сидя! — рявкнула она.

— Ладно, — скучающим тоном согласился Рихард.

— Я нашла бумаги на столе в вашей... моей комнате, — добавила Карна. Прикосновение мужских пальцев так и осталось на запястье ощущением теплого браслета, и она непроизвольно потеряла руку второй ладонью. — Бухгалтерия в крайне запущенном состоянии. У вас задолженность по уплате земельного налога, и вы не воспользовались льготой для государственных служащих.

— Вы разбираетесь в этом? — удивился он.

— Да, — коротко ответила Карна, чувствуя легкую гордость. — При необходимости я могла бы управлять небольшим поместьем. Я приведу в порядок ваши бумаги в ближайшую неделю. Но с отчетами для гильдии ловцов я раньше не сталкивалась, так что мне понадобятся разъяснения.

— Хорошо, — снова согласился Рихард. — Я расскажу вам все. Суть этих отчетов — попытаться обосновать как можно больше расходов необходимостью уничтожения нави.

— Что касается этих... сеансов. Давайте урегулируем периодичность.

— Нет.

— Нет? — растерянно переспросила Карна. Он трижды согласился: ясно, ладно, хорошо. Теперь все должно было пойти по накатанной. Она ведь читала об этом в книге по искусству переговоров.

— Это нельзя урегулировать, — терпеливо пояснил Рихард, развернувшись к ней и облокотившись на спинку дивана. В его голосе прорезались воркующие нотки, о которых говорила Грета. Черная рубашка очертила бицепс, натянулась на широкой груди. Интересно, как он получил тот шрам...

Карна одернула себя и на всякий случай опустила ресницы. Не хватало, чтобы ловец прочитал ее мысли.

— Потребность в сеансах может появиться внезапно, — продолжил он, не подозревая о ее метаниях. — Допустим, я столкнусь с высшей навью на обходе либо очередное дело окажется сложным. Мне надо быстро получить максимальное количест-

во светлых воспоминаний. Своих у меня мало, приходится пользоваться чужой памятью.

— И к чему спешка?

— Я завалил очередную проверку, — вздохнул Рихард. — Шеф полицейского управления дал мне отсрочку, чтобы переделать тест. Но это секрет. Надеюсь, я могу рассчитывать на ваше молчание.

— Сколько у вас времени?

— Не знаю точно... Пока новый тест не пришлют из столицы. Недели две, может, три. К этому моменту я должен оказаться на светлой стороне грани.

— А теперь, выходит, на темной? — спросила Карна с опаской.

Она встретила взглядом с непроницаемо-черными глазами, но поборолла желание отвернуться.

— Выходит, что так, — ответил он.

ГЛАВА 2

Дом Вилмоса Гроха был огорожен высоким кованым забором, за которым виднелся чахлый садик и неработающий фонтан. Рихард дернул за шнурок и услышал мелодичный звон.

Карна осталась дома заниматься бухгалтерией. Она его отбрила. В общем-то это было ожидаемо — достаточно лишь раз на нее взглянуть, и понятно, что абы с кем такая спать не станет. Но ощущать себя тем самым «абы кем» оказалось неприятно.

Рихард подергал за шнурок сильнее, и звон понесся над садом к трехэтажному особняку из красного кирпича. Все окна были зарешечены, даже на третьем этаже. Вилмос боится? Или просто не экономит на безопасности? Интересно... Рихард дернул еще раз, и шнурок остался у него в руке. Бросив его на чахлую траву, Рихард спрятал руки в карманы.

По дорожкам, усыпанным мелкими белыми камешками, к нему уже спешила долговязая фигура в сером сюртуке. Вилмос Грох собственной персоной? Еще интересней. Мужчина открыл ворота, впуская Рихарда, и поправил темные очки, съезжающие с переносицы. Заискивающая улыбка на его лице была еще одной странностью. Несколько лет назад Рихард поймал навь, досаждавшую Вилмосу Гроху, — служанку, затаившую на него обиду и являвшуюся за расчетом и после смерти.

Тогда Грох разговаривал с ним свысока и сквозь зубы. Впрочем, Рихард не обращал на такие мелочи внимания. Выставил счет в два раза больше, да и все. Работа научила его не копить мелкие обиды: после смерти он рассчитывал обрести покой, а не являться к кому-нибудь по ночам.

Теперь же Вилмос Грох поймал его руку в свою и долго ее тряс и жал, улыбаясь, как старому другу. Темные стекла очков — на вид совсем новых — скрывали его глаза. Небось прикупил специально перед встречей с ловцом.

— Рад, очень рад, что вы пришли, — сообщил он.

— Вчера мне доставили от вас письмо и задаток, — сказал Рихард, забирая свою ладонь из цепкой хватки Вилмоса Гроха. — Не делайте так больше. Я предпочитаю сначала обсудить дело, а потом уже брать деньги.

Вилмос выглядел исхудавшим: щеки ввалились, кожа на шее обвисла смятым мешочком. А глаза за темными стеклами блестели так, будто совсем недавно он хорошенько принял на грудь. Судя по запаху, так и было. Если бы здесь был Уго, то определил бы по выхлопу и сорт, и год спиртного.

— Деликатное дело, понимаете ли... — замылся Вилмос. — И помощь ловца просто необходима.

— В письме вы написали, что у вас завелся жрун.

— Да, — вздохнул Вилмос.

— Так что же в том деликатного? — спросил Рихард. — С такой работой могли бы справиться и обычные полицейские.

Раздражение билось в стенки черепа, как назойливая муха в окно. К чему нагнетать всю эту таинственность? Жрун — одна из простейших низших навей. Часть души человека, страдающего — или наслаждающегося, как посмотреть, — чревоугодием, после смерти не находит покоя и овладевает каким-нибудь животным, которое также любит хорошенько поесть. Получается, жрун — существо мерзкое, вечно голодное, но зато и легко убиваемое, поскольку обычно отличается малой подвижностью из-за лишнего веса.

— Во-первых, я не желаю огласки, а полицейские наверняка раструбили бы о моей проблеме по всей Рывне, — пояснил Вилмос, с подозрением посмотрев по сторонам, будто за одним из лысых кустиков мог притаиться шеф полиции — мужчина крупный, красномордый и вечно пыхтящий как паровоз. — А во-вторых, только вы можете мне помочь.

— Рассказывайте по порядку, — попросил Рихард, утомившись от всей этой загадочности. — В какое животное подселась навь?

— В собачку Мирабеллы Свон, — сообщил Вилмос. — Моей любовницы.

Мирабелла Свон блистала в прошлом театральном сезоне, и ее фотографии не сходили с первых страниц газет. Рихард вспомнил курносый носик и закручивающиеся к выщипанным бровям ресницы, густые и длинные, как у куклы, которая закрывает глаза, когда ее кладут на спину.

— Я привез ее сюда отдохнуть...

— Отдохнуть? — недоверчиво уточнил Рихард. — В Рывне?

— Я женатый человек, — тяжело вздохнул Вилмос. — И отец моей жены — сами знаете кто. Поэтому курортные города не подходили. И уж тем более я не мог открыто ухаживать за Мирабеллой в столице. Она согласилась провести несколько недель в Рывне. Взяла собачку — свою любимицу. Мерзкое создание, если честно, даже в лучшие времена. И вот... — Он снова горестно вздохнул. — Мирабелла в горе. Рыдает, страдает и вся исхудала.

— Ей придется смириться с потерей, — заявил Рихард.

— Не придется! — В голосе Вилмоса звякнула сталь. — Я сказал ей, что ловец сможет прогнать навь из песика.

Рихард недоверчиво посмотрел на Вилмоса, но тот, кажется, не шутил.

— Это невозможно, — произнес он отдельно и медленно, как ребенку, а Вилмос схватил его под локоть и потащил по дорожкам сада. — Нельзя достать навь из животного.

— Понимаете, — доверительно произнес Вилмос, ведя Рихарда по саду, — Мирабелла — дура. Красивая, но дура. Она как тот баран — уперлась рогом, что собачку можно спасти. Наслушалась баек, начиталась желтых газетенки. Развесила по дому сушеных веников, проводила какие-то ритуалы, чтобы изгнать жруна.

— Дайте угадаю. Ничего не вышло, — скривился Рихард, еще больше раздражаясь.

Вместо того чтобы обратиться в полицию или к нему как можно раньше, они тянули, а жрун тем временем рос.

— Я не могу вызвать полицию, — опять вздохнул Вилмос, поправив темные очки. — Они, конечно, убьют жруна, изреше-

тив его серебряными пулями, но это наверняка попадет в газеты, а Мирабелла будет лить слезы над телом Жожо.

— Жожо?

— Жозефина, так зовут собачку. А мне не хочется огласки и слез. Я, по правде сказать, устал от страданий. Мне хватает и жены. Мирабелла такая веселая, у нее смех как ручеек. Так и звенит. А теперь она плачет.

— Но я не могу помочь! — Рихард решительно выдернул руку, и они остановились там же, откуда начали прогулку, — у пересохшего фонтана, в чаше которого лежали красные листья.

— Вы сделаете это. — В голос Вилмоса вернулись привычные властные нотки. — Я знаю, что вы уже делали это однажды.

— С человеком, не с собакой.

— Я заплачу. Сто шендеров. Сто пятьдесят.

— Я не собираюсь так рисковать из-за псины.

Рихард развернулся к кованому забору, и слова Вилмоса прилетели ему в спину:

— Если вы согласитесь, то никто ни о чем не узнает.

Рихард остановился и слегка повернул голову.

— Я о результатах вашей проверки, — вкрадчиво пояснил Вилмос.

Рихард посмотрел себе под ноги. Красные листья на садовой дорожке, усыпанной светлой каменной крошкой, казались узкими лодочками на белой реке. Интересно бы знать, кто проболтался. Надо сообщить Грегору, что в его участке крот.

— Двести, — обозначил он цену.

— По рукам, — торопливо согласился Вилмос.

— Значит, здесь ваш жрун, — сказал Рихард, остановившись перед дверью, заколоченной досками.

Дверь тяжелая, дубовая, это хорошо. Из-под нее торчат кончики столовых приборов. Кто-то догадливый напихал туда серебряных ложек и вилок. Значит, к дверям тварь не подойдет. Высшую навь это бы не остановило, но у жруна мозг работает только в одном направлении — чего бы сожрать.

— Давно кормили?

— Позавчера, — ответил Вилмос и приосанился. — Потом я понял, что это становится небезопасным, и принял меры.

Он что, гордится собой? Вот идиот. Рихард прижался ухом к двери. Откуда-то снизу доносились завывания женщины, довольно мелодичные, будто та упивалась своим горем. Из-за угла

выглянула служанка в белом чепце, увидела ловца и, ойкнув, метнулась по лестнице вниз.

— Кажется, я видел фотографию собачки, — вспомнил Рихард.

На фото в газете Мирабелла Свон держала под мышкой то ли крысу, то ли облезлого песика. Узкая морда с вытаращенными глазами лежала на пышной груди, выставленной в декольте.

— Да, она везде ее с собой брала, — подтвердил Вилмос. — Редкая порода. Лысая свиристелка. Постоянно издает какие-то звуки: то лает, то скулит, даже когда спит — храпит, как мужик.

Рихард снова прижался ухом к двери — тишина. Потом слышался тихий цокот. Будто кто-то крался к двери на когтистых лапах.

— Сколько ему уже? — спросил Рихард.

— Жожо? Кажется, года три, надо спросить Мирабеллу...

— Жруну. Когда вы заметили, что с собакой что-то не так?

— Да она всегда была с придурью, — нахмурился Вилмос. Он снял очки, но, опомнившись, снова водрузил их на нос, хотя в полумраке коридора наверняка едва мог видеть через темные стекла.

— Когда у нее усилился аппетит? — терпеливо уточнил Рихард.

— С неделю назад. А может, и больше.

Выходит, жруну уже больше недели, и два дня он сидит там некормленный. А теперь Вилмос предлагает ему зайти в комнату и посмотреть в глаза твари, которая наверняка отрастила себе клыки размером с палец. Рихард прищурился и увидел тонкие струйки черного дыма, сочащиеся из-под двери между серебряных ложек. Вилмос, как и любой другой человек, не смог бы этого заметить. А вот смрад, тянущийся из щели, наверняка уловил бы и обычный нос.

— Ладно, — кивнул Рихард. — Я вернусь после захода солнца. В доме не должно быть людей.

— Но я думал, вы сделаете это немедленно!

— Убить могу и сейчас.

— Кажется, мы это уже обсудили, — процедил Вилмос.

— Тогда переночуйте в гостинице, — посоветовал Рихард. — Здесь будет опасно.

— Постарайтесь сделать все аккуратно. — К Вилмосу вернулся обычный приказной тон. — Там шелковые обои, которые выбирала моя жена. Она любит заниматься декором интере-

ров. Сейчас как раз обустроивает новый дом в столице, три этажа, галерея...

Рихард посмотрел на него внимательно — нет, не шутит.

Легкие шаги отвлекли его, и он едва успел увернуться от женщины, взбежавшей по ступенькам и кинувшейся на него с кулаками. Рихард инстинктивно отклонился, и она по инерции налетела на Вилмоса, повалив того на ковровую дорожку. Расширенный кружевом пеньюар туго обтянул выдающуюся попу госпожи Свон. Если певичка и похудела от горя, то так сразу не скажешь. Рихард протянул руку, чтобы помочь ей подняться, и Мирабелла гневно оттолкнула его ладонь. Поморгала щетками ресниц, нахмурила бровки-ниточки. Рихард встретился с ней взглядом и словно наткнулся на лед. Серые глаза смотрели на ловца трезво и осмысленно, будто Мирабелла выбирала партию, которую надо отыграть. Кукольное личико, холеное тело и глаза старого счетовода — такая далеко пойдет.

И без того пышная грудь поднялась, набирая воздуха, и Рихард досадливо поморщился.

— Он убьет ее! Убьет мою Жожо! — взрыдала Мирабелла, обличительно тыча в Рихарда пальцем. — Ты тоже убийца! — Она обернулась к Вилмосу, который, кряхтя, сел, и вцепилась в лацканы его сюртука. — Она ни в чем не виновата, всего лишь любила покушать!

— Кошечка моя, я обо всем договорился, — уверил ее Вилмос, сняв с носа поломанные очки. — Ловец достанет навь из песика.

— Правда?

Мирабелла неожиданно гибко и легко поднялась и окинула Рихарда оценивающим взглядом. Не найдя ничего интересного, отвернулась. Что-то с женщинами ему сегодня не везет.

— Половина оплаты вперед, — объявил он.

Мирабелла ушла собирать вещи для ночевки в гостинице, а Рихард с Вилмосом спустились на первый этаж. В кабинете, обитом резными дубовыми панелями, Вилмос передал ловцу увесистый мешочек с серебром и запасные ключи от дома. Плеснув виски в стакан, предложил Рихарду, но тот покачал головой. Пить с Вилмосом ему не хотелось.

— Мне надо подготовиться, — холодно сказал он. — Всего светлого.

Спустившись по ступенькам на дорожку, Рихард задрал голову и посмотрел на закрытые решетками окна.

Во рту горчило, а пальцы сами сжимались в кулаки от злости, которая глухо рычала где-то внутри. Жрун был ни при чем. И даже Карна, которая отшила его, обдав ледяным презрением, не виновата.

Больше всего на свете Рихард ненавидел, когда его принуждают. В приюте не любят норовистых, но даже наставник и его ремень с колючей пряжкой, обдиравшей кожу, оказались бессильны — Рихард так и не научился подчиняться.

Вилмос Грох приравнял его жизнь к жизни лысой псины. Рихард ухмыльнулся. Это его как раз не задевало. Знал он людей, которые и хвоста собачьего не стоят. Но поступать по указке Вилмоса не собирался.

В голове постепенно вырисовывался план, и Рихард улыбнулся шире. Он сплюнул на белую дорожку, зашагал прочь из сада, и вскоре ворота лязгнули за ним голодной пастью. Особняк стоял на возвышенности, и сейчас вся Рывня лежала у ног Рихарда. Жестяные крыши сливались в одно серое полотно, заштопанное там-сям червлеными заплатками черепиц. На края крыш присело солнце, плеснув закатным светом, и окна домов занялись пожаром. Высокая труба крематория, отразившая багровое небо, казалась густой струей крови, стекающей в город прямо с неба. А еще ниже траурной лентой вилась Черва.

Рихарду тут нравилось. Для ловца — идеальное место. Всегда есть работа. И здесь, можно надеяться, его не достанут.

За рекой топорщился красными ветками призрачный лес, где уже сейчас, на закате, виднелись обрывки тумана. А совсем далеко выростала гора. Такая огромная, что, казалось, с ее вершины можно шагнуть прямо в небо.

Вернувшись взглядом к реке, Рихард нашел свой дом — обычная жестяная крыша в конце переулка. В нижней части города дома жались друг к другу, словно греясь в ненастье, но его дом стоял особняком. Как и он сам.

Рихард пошел вниз по улице, постепенно ускоряя шаг. Он выделял три категории людей, готовых добровольно смотреть в глаза ловцу. Первые — просто дураки. Глаза их — словно мелкая лужица. Иногда мутная, иногда чистая — не угадаешь. Вторые — святоши. Наивно уверенные в собственной непогрешимости. Закрывающие глаза на свои недостатки и думающие, что и другие их не видят. Такие часто впадают в истерику после... Третья категория — люди, готовые за деньги на все — даже показать свою изнанку ловцу.

Но бывают и те, которые не подпадают ни под одну из категорий.

Карна не была душой, не строила из себя святую и в деньгах не нуждалась. Но все же посмотрела ему в глаза.

Конечно, была еще Грета. Совершенно особенный случай. Пока он разбирали вещи в гостевой, она бубнила и предсказывала очередной конец света в отдельно взятом доме ловца. По ее словам выходило, что с появлением Карны его ждут большие перемены. Но, несмотря на все шрамы, оставшиеся на его теле и душе, он отчего-то надеялся, что перемены будут к лучшему.

Раскладывая свои вещи в шкафу ловца, Карна еле сдерживалась, чтобы не ущипнуть себя за руку. Ночью у нее не хватило сил, чтобы разобрать чемодан, — она провалилась в сон без сновидений, едва голова коснулась подушки, и вот теперь ей казалось, что она так и не проснулась. Неужели все это по-настоящему? Она теперь живет в чужом доме, спит в чужой постели. Она работает! И ей будут платить деньги!

Отец перевернулся бы в гробу, но его кремировали, как и мать. Сейчас мало кого хоронили по старинке, предпочитая очистительный огонь. Карна развеяла их пепел в яблоневом саду за домом. Как всегда, вспомнив родителей, Карна прошептала быструю молитву, пожелав им покоя. Всем известно, что нельзя тянуть умерших назад. Они ушли в иной мир, уплыли вверх по белой реке, и не надо звать их лишний раз.

В бумагах ловца она нашла классификацию нави. Навь, навья, навка — в народе живых мертвецов называли по-разному, суть от этого не менялась. А вот для ловца все укладывалось в четкую схему, где каждый мертвец, вернувшийся в мир живых, имел свой вес — серебром. Ведь чем сильнее навь, тем больше ловцу платили.

Самые простые навки — обрывки душ, нашедшие вместилище в животных. За них ловец брал от десятки, но иногда доходило и до пятидесяти. В расходах, потребовавшихся для уничтожения низшей нави, именуемой хвачом, числилось восемь шендеров за медвежий капкан: два — за цепь восьми метров длиной, лампадки с маслом — шесть штук по десять пентов и еще пятьдесят пентов ушло мальчику Осипу за десяток крыс. Десять шендеров ловец обозначил как необходимые траты для восстановления равновесия. Остальное, по-видимому, составляло его гонорар.

Навь уровнем повыше принимала человеческий облик. Вотумы.

Незаконченное дело, невыполненный обет, долг или месть — что-то тянуло душу с того света, и появлялся вотум — временное вместилище души. За них ловец брал от пятидесяти. Но, судя по бумагам, они появлялись куда реже простых навок, и Карна толком не понимала откуда. Вотумы выглядели так же, как и прежде, до смерти. Но если их тела сожгли или закопали, придавив кладбищенской плитой, то откуда бралась новая оболочка? Она слышала байки, что вотумы выходят прямо из черной реки, на которой стоит Рывня. Может, так и есть, иначе зачем бы нужны караулы на набережной по ночам?

Расходы на убийство вотумов Рихард не обозначал. Просто брал плату. Но Карна заметила, что по бумагам после встречи с вотумом у ловца обычно было несколько дней выходных, а то и неделя.

И высшие навьи — души, вернувшие себе свои настоящие тела. Карна нашла лишь три таких дела в бумагах Рихарда. Две навьи упоминались в итоговом отчете, и за каждую ловец получил по пятьсот шендеров. А вот третью он уничтожил в этом году. «Олаф Златоглазый, около ста тридцати лет, доминирующая страсть — похоть. Обитал в ельнике у торговой дороги. Найдены останки более пятидесяти человек, для дальнейших поисков прошу предоставить полицейский наряд...» Почерк у Рихарда был резкий и угловатый, но читался легко, и Карна, проведя всего час за бумагами, вполне представляла, с чем ей придется работать.

Грета ушла сразу вслед за ловцом. Перед этим они шумели в спальне напротив, беззлобно ругаясь и шпыняя друг друга. А теперь девушка осталась одна. Что-то скрипнуло, и Карна быстро обернулась, страшась увидеть за спиной какого-нибудь монстра, на которого надо идти с медвежьим капканом... Никого не было. Белые стены, темный пол, шпингалет на двери — тонкий, как насмешка.

Она повесила в шкаф последнюю блузку, и в чемодане осталась лишь черная рамка. Карна вынула ее, погладила знакомые черты на фотографии. Эдмон подарил ее после помолвки. Мама настояла, чтобы Карна сперва окончила Институт благородных девиц, и помолвка растянулась на целых два года. Эдмон ждал, и она ждала... Так глупо. Знать бы, что так выйдет... А теперь осталась лишь фотокарточка, на которой не видно, какой яркой зелени были его глаза и как блестели бронзой кудри...

Внизу снова что-то скрипнуло, и Карна, вздрогнув, едва не выронила рамку. Глубоко вдохнула, успокаиваясь, и поставила фото на полку у кровати — туда, где раньше стоял череп, а потом вышла из комнаты. Постояв в коридоре, она не справилась с искушением и толкнула дверь напротив.

Комната оказалась узкой и темной, к тому же выходила окнами на улицу, откуда доносились шум и ругань. Кровать, шкаф и череп на подоконнике, глядящий прямо на Карну, — вот и вся обстановка.

Она быстро вышла и плотно закрыла за собой дверь. Вернувшись в свою спальню, схватила сумочку, обула ботинки и вскоре уже стояла на крыльце, жмурясь от ярких красок заката. Металлический знак ловца, висящий на козырьке над крыльцом, — круг, вертикально перечеркнутый кинжалом, — сиял в последних лучах солнца.

Скоро время ужина, который она обещала приготовить, а значит, лучше бы ей поторопиться. Поправив шляпку и застегнув плащ на все пуговицы, Карна спустилась по ступенькам и пошла вверх по улице. Заметив наемный экипаж, махнула рукой, и усатый кучер тотчас направил к ней облезлую рыжую кобылку. Остановившись, слез с козел, снял фуражку, обнажив пяточок лысины, обрамленный сальными русыми космами, и открыл дверку.

— Поблизости есть приличная ресторация? — спросила Карна, чувствуя странное облегчение уже от того, что рядом с ней живой человек. Не хвач, не жрун, не вотум. И уж точно не высшая навь.

— Смотря чего вам желается, дамочка, — ответил кучер, помогая ей забраться в экипаж. — В Крыжовенном переулке вы, окромя похлебки да жареных карасей, ничего не получите. В харчевне на Кривой улице можно и мясом угоститься. Только лучше берите чтоб целый кусок, а ежели в пирожках или там зразы, то не надо.

— А есть в Рывне место, где я могу заказать что угодно и не отравиться? — сузила круг вариантов Карна.

— Самая лучшая ресторация — «Золотой гусь», — сглотнул набежавшую слюну кучер. — Только он точно золотой — смачно готовят, да и дерут задорого.

— Далеко?

— В Рывне все недалеко, — пожал плечами мужик. — Едем?

— Едем, — кивнула Карна. — И побыстрее.

ГЛАВА 3

— С ней что-то не так, — свистящим шепотом сообщил Уго.

Друг пришел минут десять назад, сразу следом за ним. Карна выглянула из кухни, Рихард их познакомил, и она радушно пригласила Уго присоединиться к ужину, заверив, что все будет готово с минуты на минуту. Рихарду достался ледяной взгляд и кивок. А теперь из-за закрытой кухонной двери доносилась какая-то возня, шум и звон посуды.

— Она не экономка, Харди, — продолжил наседать Уго, придвинувшись так близко, что теперь они сидели на диване, прижавшись друг к другу, как влюбленные голубки.

— Сам знаю, — сказал Рихард, отодвинувшись от него. — Но разве тебе не любопытно?

— Она — дама из высшего общества, я могу точно сказать это по одному ее мизинчику. Ты видел, какие блестящие и розовые у нее ногти? И вот она готовит обед для ловцов, пусть даже самых лучших?

— Вообще-то ты не ловец, — напомнил Рихард, — а оборотень-кабан. Кто бы мог подумать, что ты будешь вкушать обед, приготовленный руками такой дамы, а?

— Она нас отравит, — нахмурился Уго, повернувшись к кухне. Его мясистый нос зашевелился на лице, словно зажив своей отдельной жизнью. — Зуб даю — отравит. А потом скажет, что так и было. А я еще молод, Харди, к тому же у меня сегодня свидание.

— С той рыженькой, что приходила вчера на собеседование? — понял Рихард. — Ее я не возьму, и не проси. Она смогла написать лишь свое имя, и то с ошибкой. А мне нужен кто-то, кто бы составлял отчеты для гильдии. Я терпеть не могу всю эту бумажную возню. К тому же она не согласилась смотреть мне в глаза.

— Зато если бы накинул сверху десятку, то не отказалась бы делить с тобой постель, — сердито засопел Уго.

— Ты ведь знаешь, последнюю проверку я заporол, — вздохнул Рихард. — А Карна просто великолепна. Чистая душа. Она поможет мне не шагнуть за грань. Я сегодня спал как младенец.

— Что тебе снилось?

— Не помню, — соврал Рихард. Признаваться в том, что Карна проникла не только в его дом, но и в сны, не хотелось.

Уго нахмурился, так что его короткие косматые брови сдвинулись к переносице, и снова засопел.

— Она согласилась на совместное проживание?

— Согласилась.

— И вот эта пыпочка станет жить в комнате с окнами на Крыжовенный переулок и будет мыться в твоей ванне?

Рихард моргнул, прогоняя из воображения картину с нежным телом в клубах пара.

— В гостевой теперь сплю я, — признался он. — Там было неубрано, и вообще...

— А она — в твоей спальне? — Уго ухмыльнулся и многозначительно пошевелил бровями.

— Думаю, она тут ненадолго, — честно признался Рихард.

— Так почему вообще согласился?

— А какие у меня варианты? Платить шлюхам и пьянчужкам? Я не хочу больше рассматривать их воспоминания, выискивая хоть что-нибудь светлое, — все равно что перебирать дерьмо в поисках жемчуга. После такого мне хочется добровольно шагнуть за грань.

— Не нравится мне это... — вздохнул Уго. — А может, она просто хочет ловца? Ну, ты понимаешь. Ореол доблести и отваги, сила тела и духа. Неутомимость, изобретательность, каждый раз может стать последним... Харди, дружище, соври, что я тоже ловец!

Его крохотные глазки заблестели, а губы разъехались в улыбке, обнажая желтоватые клыки.

— Иногда ты такая свинья, Уго, — вздохнул Рихард.

— Может, она здесь именно ради этого, — не сдавался тот. — Странно, что такая дама согласилась на совместное проживание с ловцом. Не пойми меня неправильно, Харди, но ты себя видел? А она... такая... — с придыханием произнес Уго и взмахнул руками, не сумев подобрать слова.

— Она сказала, что кодекс ловцов не позволит мне ее обидеть, — ухмыльнулся Рихард.

— Что еще за кодекс? — нахмурился Уго.

— Понятия не имею, — улыбнулся он еще шире.

Дверь скрипнула, открываясь, и собеседники, подобравшись, уставились на женщину. Карна надела поверх черного платья клетчатый передник, волосы убрала под платок, на ногах ее были домашние туфли на низком каблучке — образцовая хозяйка.